

● **АЛЕКСАНДР КОРНЕЙЧУК:** **КАК СОЗДАВАЛИСЬ «ГИБЕЛЬ** **ЭСКАДРЫ» И «ПЛАТОН КРЕЧЕТ»** ● **МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ:** **АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ**

Шесть лет назад в Киеве был создан Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украинской ССР. Среди 440 хранящихся здесь фондов одним из самых крупных по объему является фонд выдающегося советского писателя и общественного деятеля, академика Александра Евдокимовича Корнейчука.

Предлагаемые публикации подготовлены собором «ЛГ» по Украине К. Григорьевым.

Из выступления
в ноябре 1933 года
в Харькове
на совещании
украинских драматургов

...В чем наша, молодых драматургов, слабость? Прежде всего в том, что мы не знаем как следует жизни, и тех людей, и тех процессов, которые изображаем в своих произведениях.

Это не абстрактная «самокритика». Это — мой собственный опыт. Вот один из моментов, пережитых мною во время работы над пьесой «Гибель эскадры».

Два с лишним года назад я начал работать над пьесой. Поначалу казалось: «Гибель эскадры... Восемнадцатый год... Надо, значит, дать тех самых беззаботных «братишек», каких я до того видел в других пьесах. Начал работать. Написал я, кажется, три картины, прочел их товарищам писателям, критикам. «Ничего, — говорят, — публика «на ура» примет...»

Поехал затем в Севастополь, где, как мне сказали, сейчас работают участники событий 18-го года.

...Полтора месяца я провел в походе на кораблях Черного моря. Это была моя первая встреча с моими героями. И когда я узнал, в каких условиях они боролись за выполнение приказа об уничтожении кораблей, как трудно им было понять стратегию и тактику партии, разобраться в сложном переплете событий, — тогда я снова начал работать над пьесой, стал писать о событиях и явлениях, которые были, а не только представлялись мне...

Небольшой пример. Я встретился со старым боцманом, плавающим 20 лет на Черном море. Этот боцман как-то сказал мне: «Вам, может, будет неинтересно, но когда топили последний корабль, мы его почистили, помыли, даже покрасили отдельные части, чтобы корабль отдать морю чистым, это был последний аврал кораблю, гибнущему за революцию...»

Эта как будто незначительная деталь сыграла для меня чрезвычайно важную роль. Мы стояли — это бы-

раскрывать многогранность людей эпохи социализма, воссоздавая атмосферу, в которой они живут, работают, творят.

1934 год.
Истинная простота
героя

В раскрытии каждого образа «Платона Кречета» я стремился достичь той истинной простоты, которая должна быть обязательной приметой каждого художественного произведения, а тем более — про-

ца за светлую, долголетнюю жизнь трудящихся.

Я очень рад, что именно так поняли мое произведение рабочие. «Платона» я читал на квартире у лучшего ударника Киевского кабельного завода тов. Носенко. Пьесу слушали рабочие 8-й обувной фабрики.

Среди многих ценных пожеланий, свидетельствующих о тонком понимании рабочими нашей драматургии, было весьма резонное пожелание актерам

ний в раскрытии образов «Платона».

(Газета «Пролетарская правда», 18 декабря 1934 года)

1935 год.
«Платон Кречет»
в МХАТе

...Работа над словом в Художественном театре меня поразила своей тщательностью отработки, внимательным отношением к авторскому тексту и тончайшим нюансам, заложенным в слове.

Один интересный факт. Артисту Добронравову, играющему роль Платона Кречета, показалось необходимым во время прихода Лиды вставить одно как будто нехватящее слово «садитесь», а дальше идти по моему тексту. Я на это согласился, причем артисты на репетиции шутя упрекали меня: насколько, мол, автор некорректен, если он не вложил в уста своего героя элементарных слов вежливости.

Через некоторое время народный артист республики В. И. Немирович-Данченко просматривал три куска пьесы. Просмотрев их, после большой паузы он сказал:

— Хотя здесь присутствует автор, мне кажется, — насколько я понимаю его же образ Кречета, — Кречет, находясь в таком состоянии, никогда не сказал бы Лиде: «садитесь». Это слово лишнее. Я посоветовал бы автору снять его.

Мы все были очень поражены чуткостью этого крупнейшего художника, не знавшего, что это слово являлось актерской вставкой. И когда дальше В. И. Немирович-Данченко начал толковать поведение Пла-

тона Кречета и Лиды (арт. Степанова), тогда мы поняли, что я действительно напрасно согласился на эту вставку. Это слово меняло весь психологический рисунок образа и его поведение в данной ситуации.

После неоднократных бесед с крупнейшими корифеями МХАТа — народными артистами Качаловым, Леонидовым и другими, мне захотелось в будущей своей работе найти такие образы и слова, которые в воплощении этих больших мастеров звучали бы со сцены с еще большей силой и страстью.

Беседы с В. И. Немировичем-Данченко и постановщиком пьесы заслуженным деятелем искусств И. Я. Судаковым о будущих путях МХАТа и советского театра вообще, о понимании лозунга «шекспиризации», о полном творческом дыхании театра и нашей драматургии заставили меня пересмотреть целый ряд моих художественных установок. Я увидел положительные качества, достигнутые мною в «Платоне Кречете», и еще больше почувствовал отрицательные моменты, которые есть в этой моей пьесе.

Моя работа с лучшим в мире театром, встреча не только с его корифеями, но и талантливейшим артистическим «сердняком» и «молодняком» открыли передо мной новые творческие возможности. МХАТ дал мне огромную зарядку, которую я с сознанием всей ответственности использую в своей новой пьесе к 20-летию Октября на материале современной жизни Советской Украины.

(«Театральная декада», № 20, 1935 год)

КИЕВ

ПОМНИТЬ, ДЛЯ КОГО И О КОМ МЫ ПИШЕМ

ло в дни маневров — на рубке, я смотрел на людей, которые в 1918 году вышли на последний аврал и которые сейчас строят, организуют и ведут наш Красный Флот... И я начал понимать, что раньше, работая над пьесой в тиши комнаты и изобретая за письменным столом «нечто особенное» и «небывалое», я только отдавал дань «увлечениям молодости» и своеобразному формализму... Я понял, что разрешить проблему социалистического реализма в искусстве — значит осознать свою ответственность и перед тем, для кого ты пишешь, и перед теми героями, о которых ты пишешь. Это значит знать жизнь и

изведения о герое нашей эпохи, о новых, социалистических качествах лучших представителей трудящихся.

Мои врачи — да и другие персонажи пьесы — это самые обыкновенные люди, живут и работают они в обыкновенном, рядовом городе, но стремления их далеко не обычны: борясь с преждевременной смертью, они борются за стратосферу — за высшее качество своей работы. Каждый из них по-разному, иными путями, с неодинаковым результатом завоевывает эту стратосферу. А все вместе — в первую очередь Кречет — они представляют собой обобщенный образ героя, бор-

«Платона»: «Давать раз-вернутую правду жизни со сцены».

Сложность работы над моей пьесой я усматриваю именно в необходимости сделать особый упор на работе актера. Это выдвигает и перед режиссером особые трудности — прилагая максимум усилий в работе над пьесой, одновременно оставить актеру как можно больше возможностей, как можно больше простора.

То, что я видел до сих пор, во время подготовки моей пьесы в Театре имени Франко, дает уверенность в том, что режиссер тов. Кость Кошевский и артисты театра придерживаются верных направле-